

631002

Свящ. Алексѣй Соболевъ.

ОБРЯДЪ ПРОЩАНІЯ СЪ ЗЕМЛЕЙ ПРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ,
ЗАГОВОРЫ
— И —
ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1914.

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Комиссіи.
Предсѣдатель *И. Н. Сазоновъ*.

Обрядъ прощанія съ землею предъ исповѣдію, заговоры и духовныя стихи.

1. Обрядъ прощанія съ землею предъ исповѣдію.

Много крестя среди русскаго народа различныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, но врядъ-ли можно часто встрѣтить обрядъ прощанія съ землею, который совершается нѣкоторыми крестьянами предъ церковною исповѣдію. Я случайно натолкнулся на этотъ обрядъ въ Судогодскомъ уѣздѣ и хочу воспроизвести его въ такомъ видѣ, въ какомъ мнѣ его пришлось узнать. Обрядъ прощанія съ землею предъ исповѣдію не сложенъ, но мнѣ кажется, что въ немъ таится зерно языческой старины, а потому онъ можетъ быть интереснымъ для науки.

Міровая стихія—земля почтена человекомъ найвысшимъ хвалебнымъ эпитетомъ: съ незапамятныхъ временъ она называлась „матерію“, и у всѣхъ языческихъ народовъ, а въ томъ числѣ и у нашихъ язычниковъ-предковъ, была возведена на степень божества. Правда, точныхъ указаній, относительно обоготворенія земли во времена язычества у насъ на Руси, мы не встрѣчаемъ, но изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ данныхъ можемъ, однако, заключить

что „мать земля-сырая“ въ это время здѣсь обоготворялась. Такъ, уже одно наименованіе земли: „мать“, „матушка“, явившееся на Руси во времена язычества, заставляетъ насъ придти къ заключенію, что земля для нашего предка была однимъ изъ его божествъ. Предокъ-язычникъ, говоря про землю, что она его мать, выставялъ въ то же время отцомъ своимъ небо. „Ты небо—отецъ, ты земля—мать“,—говоритъ одно древнее заклинаніе. Небо же было для язычника-предка богомъ, котораго онъ называлъ Сварогомъ, а отсюда естественно, что и „мать—земля“—супруга Сварога“ должна быть для него божествомъ. Подтвержденіе своей мысли мы можемъ видѣть и въ томъ фактѣ, что среди русскаго народа издавна сохраняется благоговѣйное отношеніе къ землѣ. Русскіе „въ землю вѣруютъ“, говорится въ одномъ древне-русскомъ разсужденіи о язычествѣ¹⁾. Нашъ суевѣрный крестьянинъ даже приноситъ землѣ жертвы. Такъ, чтобы земля благосклонно приняла въ свои нѣдра павшую скотину, крестьяне обыкновенно въ вырытую яму кидаютъ—сахаръ, медъ или кусокъ хлѣба, обмазанный сметаной и произносятъ: „прими, матушка—сырая наши дары, да скотинку въ себѣ схорони!“²⁾. Очевидно, что вѣра въ землю, сопровождающаяся даже жертвоприношеніемъ, не могла явиться въ христіанствѣ, а идетъ отъ того времени, когда земля на Руси обоготворялась.

Христіанская религія, появившаяся на Русской равнинѣ, не уничтожила въ корнѣ древняго вѣрованія предка относительно земли. Земля, по принятію христіанства, если и не стала для русскаго че-

¹⁾ И. А. Бычковъ, каталогъ рукоп. собранія Богданова, I, 197.

²⁾ Наблюдалъ въ деревнѣ Теперки, Покров. уѣзда.

ловѣка въ полномъ смыслѣ богомъ, то во всякомъ случаѣ не изгналась имъ въ адъ, какъ тѣ божества, которымъ русскій человѣкъ не съумѣлъ еще дать нравственнаго содержанія, приличнаго вида, не превратилась въ какого-либо святого, или какую-либо святую христіанской церкви, хотя по ассоціаціи сходства она и не разъ ставится рядомъ съ Божіей Матерію, но съ Ней никогда не сливается, а по прежнему осталась его „матерью“, сохранила благоговѣйное почтеніе къ себѣ и даже получила полноту представленія. Такъ извѣстно, что славянская мифологія не была еще развита до полного антропоморфизма, но земля въ христіанское время стала представляться совершенно человѣкообразнымъ существомъ. Земля для русскаго человѣка не бездушная тварь, а организмъ, подобный человѣческому тѣлу. „Земля, — говорится въ Люцидаріусѣ, — сотворена яко человѣкъ: каменіе яко тѣло имать, вмѣсто костей кореніе имать, вмѣсто жилъ дрѣвеса и травы, вмѣсто власовъ быліе, вмѣсто крови—воды“¹⁾. Земля даже приписываются человѣческія дѣйствія и настроенія: она „пѣтъ“ струившуюся изъ разверзающихся надъ ея лономъ небесъ дождевую воду, — „пѣтъ и не напьется“, „солрогається“ при землетрясеніяхъ, чуткимъ сномъ „засынаеть“ при наступленіи зимней стужи; вмѣстѣ съ приходомъ весны, съ первымъ пригрѣвомъ зачужавшаго весну солнышка, „пробуждается“, „плачетъ и стонетъ“ отъ людской неправды.

Земля для русскаго человѣка осталась истинной матерію. Весь человѣкъ—продуктъ земли-сырой:

„Тѣлеса наши отъ сырой земли,

¹⁾ Лѣтоп. рус. лнт. 1, 2, стр. 54.

Кости крѣпкія отъ камня,

Кровь — руда отъ Черна моря“, — говорится въ стихѣ „О Голубиной книгѣ“¹⁾. Какъ мать, земля добра до своихъ дѣтей: она „всѣхъ кормить, всѣхъ поить, всѣхъ одѣваетъ, всѣхъ своимъ тепломъ пригрѣваетъ“; она любитъ и жалѣетъ человѣка, плачетъ о немъ во время великихъ бѣдствій, какъ, напр., плакала она предъ Куликовской битвой, предвидя гибель многихъ тысячъ людей изъ татаръ и русскихъ, плакала земля тогда „на-двое — одна сторона плакала по-язычески о чадахъ своихъ, сильно крича, другая же сторона, какъ нѣкая вдовица, тихо и жалобно плачевнымъ голосомъ“²⁾. Мало этого, земля представляется источникомъ силъ и здоровья человѣка: Русскіе богатыри, падая на нее, приобрѣтаютъ силу при ратоборствѣ съ неприятелями (напр., Илья Муромецъ въ борьбѣ съ Жидовиномъ). Возвращаетъ земля силы и русскимъ жницамъ-крестьянкамъ. „Нивка, нивка! Отдай мою силку! Я тебя жала, силу на землю роняла!“ — выкликаютъ во многихъ мѣстахъ поволжской Руси жницы — бабы, катаясь по землѣ, вполне увѣренныя, что припавъ къ ней, вернутъ все пролитое трудовымъ потомъ засилье³⁾. Подавая силы, земля — мать въ то же время старается, по вѣрѣ народной, сохранить „своихъ дѣтей“ — людей отъ всякихъ бѣдъ и напастей⁴⁾, старается поддержать ихъ здоровье. „Ради насъ своихъ дѣтей“, она порождаетъ целебныя злаки, какъ напр., „польгу“, чтобы „бѣса из-

¹⁾ Безсоновъ, калѣки вып. II, 356 стр.; вып. II, № 567, 73 стр.: подоб. см. Тихонравовъ, памятники отеч. литер. II, 433 стр.

²⁾ Сборн. От. Рус. Яз. и Слѣв. И. Ак. Наука, т. 81, № 7, прил. 110 стр.

³⁾ А. А. Коринфскій, Народная Русь, 15 ст.

⁴⁾ С. В. Максимовъ. Нечистая, невѣдомая и крестная сила, 252 ст.

гоняти и въ болѣзняхъ помогати¹⁾. Земля даже сама врачуеть: больные „приткой“ должны „попроситься“ съ землею на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ съ ними „притка“ случилась и получаютъ, по народному вѣрованію, исцѣленіе²⁾.

„Родимая матушка — земля — сырая“, заботясь всю жизнь о человѣкѣ, не оставляетъ его и по смерти: всѣмъ открываетъ любвеобильная „земля-сырая“ свои материнскія объятія, когда пробьетъ часть смерти человѣческой, всѣ находятъ въ ней вѣчное упокоеніе. Но темная сила, бродящая по свѣту на пагубу роду людскому, соблазняетъ иныхъ людей и на такія черныя дѣла, что умереть человѣкъ—его даже и земля не принимаетъ послѣ смерти. Къ нимъ причисляются, по вѣрованію народа, тѣ, кто „спознается“ съ нечистой силой, продастъ ей свою душу—на всякое лихо пругнмъ людемъ. По вѣрованію русскаго народа, земля настолько чиста, что не можетъ „этой мерзости“, этихъ нечестивцевъ держать въ себѣ, а посему до сихъ поръ требуются особые обряды, чтобы прекратить выходъ изъ могилъ этого сорта покойниковъ. Даже тотъ умершій, трупъ котораго долгое время не разлагается, по народной вѣрѣ, несомнѣнно былъ при жизни великимъ грѣшникомъ, потому что онъ „не готовится къ погребенію въ сырой землѣ“. И напротивъ, если новорожденный ребенокъ выдѣляется вѣсомъ тѣла отъ прочихъ дѣтей, то онъ не жилецъ на божьемъ свѣтѣ, его „чистое тѣло чиста земля“ къ себѣ тянетъ. Вся нечистая дьявольская сила, отъ крестнаго знаменія и „воскресной“ молитвы, проваливается не иначе, какъ „сквозь землю“, не оскверняя чистоты

¹⁾ А. Соболевъ, Загробный міръ, 66 ст.

²⁾ Максимовъ. Нечистая, нечѣд. и крестн. сила 253 ст.

земныхъ нѣдръ. Въ этомъ вѣрованіи, думается, кроется та основа самой страшной народной клятвы, которую употребляютъ наши крестьяне, и предъ которой, говорятъ, отступаетъ всякое подозрѣніе: „провалиться мнѣ“, „чтобъ сквозь землю провалиться“ и проч.

Твердо вѣрить русскій простолюдинъ въ чистоту „матушки-земли“, а потому у него наблюдается трогательная заботливость лечь въ могилу чистымъ. Усопшихъ непременно обмываютъ и пересодѣваютъ во все чистое и это дѣлаютъ въ силу убѣжденія, что „въ нечистой сорочкѣ сыра-земля мертвецовъ не держитъ“, что „лечь нечистымъ — осквернить землю“ ¹⁾. Интересенъ въ этомъ смыслѣ поступокъ извѣстной раскольницы боярыни Морозовой. Пребывавшая въ боровской земляной тюрьмѣ, Морозова почувствовала приближеніе смерти. Единственная рубашка, бывшая на ней, требовала стирки. И вотъ боярыня обращается къ сторожу темницы: „иди на рѣку и вымой мнѣ эту сорочку, ибо хочетъ Господь взять меня отъ сей жизни. Было бы непристойно этому тѣлу, — продолжаетъ Морозова, — въ нечистой одеждѣ возлечь въ нѣдрахъ матери своей — земли“ ²⁾. Примѣру Морозовой особенно слѣдуютъ раскольники: они даже нарочито припасаютъ заранѣе на смерть „одежну“ и стараются не носить ее, бережно сохраняя въ сундукахъ, чтобы „лечь въ землю въ чистотѣ“.

Мать сыра-земля не только стихія чистая, но она для русскаго простолюдина предметъ священный; она — „мать-земля-святая“. Ее не должно ос-

¹⁾ Слышано явт. въ Покров. и Судог. уѣздахъ.

²⁾ Субботинъ. Матеріал. для истор. раск. VIII, 201; Смирновъ, Исповѣдь землѣ, 25 ст.

квернять или оскорблять, не должно ей, какъ существу живому, и причинять боль. Земля оскверняется, по воззрѣнію лѣтописца, человѣческими жертвоприношеніями и ложными вѣрами. Такъ, сказавъ, что „нача княжити Володимерь въ Кіевѣ единъ“, и что онъ „постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его -сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь“, лѣтописецъ присовокупляетъ: „и жряху имъ (Кіевляне), наричюще я боги, и привожаху сыны своя и дѣщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю тѣбамъ своимъ, и осквернися кровьюи земля Руска и холмо-тъ“¹⁾. Подъ 986-мъ же годомъ эготъ же лѣтописецъ заявляетъ, что „вѣра (болгаръ) оскверняетъ небо и землю“²⁾. По одному древне-русскому эпетиміѣнику, человѣкъ грѣшитъ тогда, когда лежитъ „на землѣ ницъ, какъ на женѣ играя“. Его грѣхъ въ этомъ случаѣ также великъ, какъ еслибы онъ обидѣлъ отца или мать. „Аще отцу или матери лаялъ,—говорится здѣсь,—или билъ или, на землѣ лежа ницъ, какъ на женѣ игралъ, 15 дни (эпетимія)“³⁾. По воззрѣнію же простолудина, противъ земли грѣшатъ даже тѣ, кто „бросаетъ землю горстями, топчетъ ногами, плюетъ на нее и проч.“⁴⁾.

Таково стало воззрѣніе русскаго человѣка на землю, по принятіи христіанства. Земля для него живое существо, чистая и святая матушка, которую онъ благоговѣйно почитаетъ. Въ этомъ благоговѣйномъ почитаніи, противъ котораго еще въ XV—XVI

¹⁾ Лѣтоп. по Лаврент. списку изд. Археогр. ком. Спб. 1872, ст. 77.

²⁾ Ibidem, 81 ст.

³⁾ Алмазовъ, т. испов. III, 151; Смирновъ, Исповѣдь землѣ, 27 ст.

⁴⁾ Смotr. „Обрядъ прощанъ съ земл.“.

столѣтіяхъ возставали строгіе поборники буквы завѣтовъ православія, грома въ церковныхъ стѣнахъ народное суевѣріе, таятся пережитки языческаго обожествленія земли. Но ни грозныя обличенія, ни время—со всею его безпощадностью—не искоренило этого преданія далекихъ дней, затонувшихъ во мракъ вѣковъ, отошелшихъ въ бездонныя глубины прошлаго—стародавняго: Земля до сего времени читается за святую; священный ужасъ передъ нею сковываетъ простолюдина, которому приходится „рвать грудушку земли сохой острою, расплывчатой“¹⁾, заставляя матушку-землю служить себѣ. У ней, какъ у божества, просить простолудинъ прощенія въ солѣянныхъ грѣхахъ, надѣясь его поличить²⁾, что мы и можемъ увидать изъ обряда прощанія съ землею предъ церковной исповѣдію.

Описаніе обряда прощанія съ землею предъ исповѣдію.

„Отправляясь на исповѣдь,—говоритъ старушка, бывшая раскольница,—должно „наперво“ слѣзть предъ иконами въ домѣ „большой трехпоклонный началъ“, т.-е. слѣзть три земныхъ поклона, а потомъ „надо-ть“ говорить:

Благослови, Спасъ-Исусъ, во путь итти,
 Во путь итти, грѣхи нести
 На споклонъ попу духовному.
 Во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Въ это время „надо-ть трижды перекреститься и поклоняться поясно“, а потомъ „промолвить“ Иису-

¹⁾ См. обрядъ.

²⁾ См. подроб. С. И. Смирновъ, Исповѣдь землѣ, Сергіевъ-Посадъ 1912 г., гдѣ помѣщена и часть представл. мною обряда, сообщеннаго С. И. Смирнову мною

сову молитву: „Исусъ Христось, Спась нашъ, помилуй меня грѣшную. Аминь!“ и слѣлать земной „прощальный“ поклонъ иконамъ“. Далѣе слѣдуетъ прощаніе съ домашними. Каждому члену семейства должно поклониться и попросить прощенія словами: „Простите меня Христа ради!“. „Послѣ прощанія съ домашними, — продолжаетъ старушка, — идешь за ворота на улицу, оборачиваешься къ часовенкѣ (часовенки въ нашей губерніи большею частію строятся среди деревни) произносишь: Исусъ Христось, Спась нашъ, помилуй меня грѣшную. Аминь! и кстишься, не творя поклона“. Перекрестившись на часовенку, крестьянка начинаетъ „творить поклоны по четыремъ сторонамъ“, прося прощенія у „хрещенаго люда“. Поклоновъ этихъ нѣсколько. Начинаетъ кланяться крестьянка первоначально сторонѣ противоположной своему двору, а потомъ, постепенно поворачиваясь на право, она дѣлаетъ, кланяясь, кругъ. Во время этихъ поклоновъ она на распѣвъ причитаетъ:

„Встану я на четыре сторонушки,
 Поклонюсь вамъ, люди добрые
 Мирь—народъ, люди добрые.
 Вы сусѣдушки старолавне,
 Вы простите меня грѣшницу,
 Неразумну буйну головушку!
 На споклонъ иду къ попу—батюшкѣ,
 На раскаянье грѣховное.
 Не осудте рабу, рабу грѣшную,
 Ради Спась—Христа, Честной Матери—
 Пресвятыя Свѣтъ Богородицы! Аминь.

Послѣ причети и поклоновъ, крестьянка оборачивается къ часовнѣ, крестится (безъ поклона) и „творить Исусову молитву: Исусъ Христось, Спась

нашъ, помилуй меня грѣшную! Аминь“. Произнеся „Исусову молитву“, она такъ же, какъ и ранѣе, начинаетъ „творить поклоны по четыремъ сторонамъ“, но уже „свѣту вольному“, при чемъ произноситъ:

„Ты красно, ясно, свѣтъ солнышко,
Ужъ ты, младъ, свѣтелъ государь-мѣсячъ,
Вы, часты звѣзды полвосточныя,
Зори утренни, ноци темныя,
Лробень дождичекъ, вѣтра буйныя,
Вы простите меня грѣшную,—
Вдову горюшную, неразумную.
Ради Спасъ Христа, Честной Матери-Бого-
родницы,
Да самъ Михайла арханьделя! Аминь“.

Сотворивъ снова, смотря на часовенку, крестное знаменіе и „Исусову молитву“, крестьянка съ улицы идетъ на задворки. Придя сюда, она произноситъ „Исусову молитву“, во время чтенія которой дѣлаетъ „малый трехпоклонный началъ“, т.-е. трижды крестится и трижды кладетъ поясные поклоны. Послѣ этого она начинаетъ „кланяться матушкѣ-землѣ“. Поклоны крестьянка въ этомъ случаѣ кладетъ поясные и также, какъ и на улицѣ, поворачивается кругомъ, при чемъ причитаетъ:

„Взоплю я къ тебѣ, матушка сыра земля,
Сыра земля, моя кормилушка полица,
Взоплю грѣшная, окаянная, паскудная, не
разумная;
Что топтали тея походчивы мои ноженьки,
Что бросали тея рѣзвы руценьки,
Что глазѣли на тея мои зенки (глаза),
Что плевала на тея скорлупоньки.
Прости, мать питомая, меня грѣшную, не-
урядливую

Ради Спасъ Христа, Честной Матери,
Пресвятыя да Богородицы,
Да Ильи пророка мудраго! Аминь*.

Кончивъ причетъ и сотворивъ „Исусову молитву“ съ крестнымъ знаменіемъ, крестьянка становится на колѣни и начинатьъ умывать землей или, если земля еще не растаяла, то снѣгомъ себѣ руки. Земля или вода отъ снѣга съ рукъ не стирается до тѣхъ поръ, пока каючаяся не придетъ въ храмъ и здѣсь не положитъ „большого трехпоклоннаго начала“.

Совершивъ обрядъ умовенія рукъ, крестьянка еще разъ произноситъ „Исусову молитву“ и дѣлаетъ земной поклонъ. Потомъ, стоя на колѣнахъ, она, не оборачиваясь только назадъ, начинаетъ кланяться во всѣ стороны и причитать:

„Еще разъ, моя питомая,
Прикоснусь къ тебѣ головушкой,
Испрошу у тея благословеньица,
Благословеньица со прощеньицемъ:
Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, расплывчатой,
Что не катомъ тея я укатывала.
Не урядливымъ гребнемъ чесывала,—
Рвала грудушку боронушкой тяжелою
Со желѣзнымъ зубьемъ да ржавыемъ.
Прости, матушка питомая,
Прости грѣшную, кормилушка.
Ради Спасъ Христа, Честной Матери,
Все святыя Богородицы,
Да Овласія заступника,
Да Ильи пророка мудраго,
Да Егорья Побѣдоносчика! Аминь*.
Исусъ Христось, Спасъ нашъ,
Помилуй меня грѣшную! Аминь*.

Кончивъ причеть, крестьянка крестится и нѣ-
которое время лежитъ, приклонившись къ землѣ
головою. Послѣ этого она беретъ въ ротъ немного
земли или снѣгу, и поднявшись, идетъ къ часовнѣ,
гдѣ ей „творится малый трехпоклонный началъ“.
Отъ часовни крестьянка направляется въ село.
Выйдя изъ деревни, она оборачивается назадъ, дѣ-
лаетъ поясной поклонъ и говоритъ: „простите меня
всѣ, весь вольный свѣтъ“. Потомъ, перекрестившись
и сказавъ: „Господи благослови на дороженьку, про-
должаетъ путь ¹⁾).

2. Покаявныѣ стихи.

„Благослови, Христось Спась Исусь,
Меня на споклонъ къ попу илги! Аминь.
Страна восточная, солнце красное,
Простите грѣшную! Аминь.
Мѣсяць, звѣздушки, темна ноченька,
Простите грѣшную! Аминь.
Вѣтра буйные, крылатые, буря—падара,
Простите грѣшную! Аминь.
Лѣса темные, горы скатчаты, рѣки волиныя,
Простите грѣшную! Аминь.
Люди добрые, хрещеный мѣръ, всѣ суздюшки,
Простите грѣшную! Аминь.
Сыра матушка, мать-земля питомая,
Прости грѣшную! Аминь.
Мои ноженъки походчивы притоптали тебя,
понаблудили,
Прости, питомая, грѣшную! Аминь.

¹⁾ Если обрядъ прощанія съ землей происходитъ въ селѣ, то часовенку заминаятъ. Слова: „простите меня всѣ, весь вольный свѣтъ“ произносятся на напертяхъ.

Мои рученьки бросали тебя,—
 Прости, питомая, -сердешная, грѣшную!
 Аминь.

На тебя, моя питомая, я нечистó хаживала,
 Слюной своей плюывала,—

Прости, питомая, грѣшную! Аминь.

Не твѣты на тебѣ сажала, а сохой пытала,

Прости, питомая, грѣшную! Аминь.

Не гребнемъ тебя чесала,—бороной скребла,—

Прости, питомая, грѣшную! Аминь.

Исусъ Спасъ, Христосъ Царь небесный,

Мать Честная Богородица,

Пророкъ Христовъ.—Илья хвальной,

Егоріи воинъ храбрѣй,

Простите рабу грѣшную, что докучала сы-
 рой землѣ,

Всему свѣтушку, людямъ добрымъ.

Во вѣки вѣкомъ. Аминь.

II. Заговоры.

Говоря объ обрядѣ прощанія съ землею предъ, исповѣдію, я упомянулъ, что въ немъ мы встрѣчаемъ пережитки языческой старины. Обломки языческой старины можно встрѣтить нынѣ и въ различныхъ произведеніяхъ народной словесности. Сюда относятся: былины, сказки, пословицы, заговоры и т. п. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько заговоровъ, которые мнѣ пришлось собрать въ нашей Владимірской губерніи. Въ этихъ заговорахъ черты языческой и христіанской молитвы перемѣшались курьезнымъ образомъ: рядомъ съ призыва-

ніемъ Спасителя, Божіей Матери, святыхъ, появляется алтырь—камень, закрѣпъ—трава, солнышко, соль и т. п., которымъ приписывается могучая сила.

Заговоры—это эническая форма, имѣющая принудительное значеніе,—она должна вызвать или устранить какое нибудь явленіе. Простолюднѣ сильно вѣрять въ магическое слово заговора; онъ убѣжденъ, что точно произнеся слова заговора, онъ заставитъ силы природы дѣйствовать въ его интересахъ, что исполнится то, чего онъ хочетъ, на что рассчитываетъ.

Заговоры имѣютъ длинную исторію. Они возникли во времена анимизма, когда человѣкъ представлялъ себѣ явленія природы, по аналогіи съ собственной жизнью, какъ дѣйствія живыхъ сверхъестественныхъ существъ и существовали они у всѣхъ классическихъ народовъ. На Руси заговоры тоже появились рано. Такъ, вѣру въ значеніе слова и, слѣдовательно, нѣчто напоминающее заговоръ, мы встрѣчаемъ еще въ договорахъ первыхъ русскихъ князей съ греками. Рассказывая про князя Игоря, что онъ „и бояре его, и людьє вси Рускии“, желая „сотворити любовь съ самѣми цари“ греческими—Константиномъ и Стефаномъ и „со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяетъ солнце и весь миръ стоитъ“, лѣтописецъ такими словами выражаетъ клятву тѣхъ, „елико есть не хрещено“ изъ русскихъ: „да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий“¹⁾. Въ договорной же грамотѣ Святослава съ греческими ца-

¹⁾ Лаурев. лѣт. 47 ст.

рями—Василіємъ и Константіномъ клятва звучитъ такъ: „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, в Перуна и в Волога, скотья Бога, и да будемъ золотн (колотн) яко золото, и своимъ оружіемъ да исѣчени будемъ“¹⁾. Однако, приведенныя мѣста, какъ я уже сказалъ, только напоминаютъ заговоръ, въ собственномъ же смыслѣ русскіе заговоры становятся намъ извѣстными только съ XVII вѣка. Съ этого времени они начинаютъ помѣщаться въ лечебникахъ и травникахъ, вмѣстѣ съ рецептами противъ различныхъ болѣзней. Въ настоящее время заговоры сохраняются людьми, слывущими въ народѣ колдунами, вѣдунами, знахарями, которые являются наслѣдниками древняго класса людей—кудесниковъ, волхвовъ, чародѣевъ и т. п. Колдуны и знахари очень дорожатъ своимъ знаніемъ заговоровъ. По ихъ повѣрью, заговоры нельзя сообщать лицамъ постороннимъ, ихъ можно только передать по наслѣдству родственникамъ и при томъ при концѣ жизни, иначе, нарушители порядка ждутъ великія кары: болѣзни и друг. несчастія, поэтому собирать заговоры для этнографа не легкая задача. Не смотря однако на трудность собиранія, въ печати уже имѣется достаточно большое количество заговоровъ. Такъ, напр., мы можемъ найти заговоры: у Сахарова въ „Сказаніяхъ русскаго народа“; въ Архивѣ Калачева кн. 2; въ „Сборникѣ великорусскихъ заклинаній“ Л. Майкова (Записки Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. II, 1860 г.); въ „Малорусскихъ заклинанійхъ“ - Ефименко (Чтен. М. Общ. 1874 г.); въ Лѣтописяхъ Русской литературы, т. 4 и 5; въ Извѣстіяхъ Импер. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXX, вып. 2

¹⁾ ibidem 73 ст.

друг... Имѣемъ мы и литературу о заговорахъ (хотя скудную), въ числѣ которой особенно слѣдуетъ отмѣтить трудъ А. Ветухова — „Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Варшава 1907 г., гдѣ авторъ не только даетъ сводъ различнымъ заговорамъ, но и даетъ исторію ихъ жизни.

Заговоры, собранные во Владимірской губерніи.

1. *Заговоръ отъ пожара.*

„Хвала пламень угашаетъ, тріехъ юношей пѣсню огонь потушаетъ. Я хвалю, тріехъ отроковъ кричу, землю бросаю, огонь потушаю. Молитвами святыхъ тріехъ отроковъ нашихъ, Боже, благословенъ еси. Аминь.

(Заговоръ произносится 3 раза, при чемъ каждый разъ въ пламя бросается земля).

2. *Заговоръ отъ ожога.*

„Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Гдѣ былъ огонь, тутъ будь зола, а гдѣ была зола, тутъ будь вода. Вода, все скати, а тѣло чисто яви! Во имя Духа Свята, Сына Христа—Спаса, Отца присносуща, нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Заговоръ читается 3 раза. Мѣсто ожога обводится 3 раза безымяннымъ пальцемъ, при чемъ предъ каждымъ разомъ заговорщикъ крестится. По произнесеніи заговора должно 3 раза плюнуть на лѣвую сторону).

3. Заговоръ отъ порѣза.

„На морѣ—Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ гробница. На этой гробницѣ сидитъ красная лѣвица; шьетъ она шелкомъ, золотыми булавами надкалываетъ, порѣзну рану заговариваетъ: не я тебя заговариваю,—утка да селезень, Самъ Христось да Марья-Богородица. Не отъ утки молока, ни отъ меня яиць. Заговоръ укрѣпись, ты, тѣло, держись, а кровь—руда уймись!

(Мѣсто порѣза три раза кропится водой, взятой изъ ведра на указательный палець. Заговоръ читается одинъ разъ).

4. Заговоръ отъ порѣза.

„На морѣ—Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ ѣдетъ Тихонъ преподобный. Подъ нимъ конь пляшетъ карь, а ты кровь—руда не кань. Отъ солища замки, отъ мѣсяца ключи, отъ тѣла крѣпость, отъ руды твердость, отъ меня крѣпкій заговоръ“.

(Заговоръ читается 3 раза. Мѣсто порѣза смачивается мочей).

5. Заговоръ отъ кровотеченія изъ носу.

Да будетъ тѣло—древо, кость—камень, Кровь красна, не теки! Закрѣпъ—травы, пособи, кровушку во мнѣ рабѣ такомъ-то сохрани во вѣки вѣковъ. Слово мое крѣпко, закрѣпъ-травой сильно. Чуръ, крови конецъ,—моему дѣлу вѣнецъ! Аминь.

(Заговоръ, со словъ злговорщика, читается больнымъ. Послѣ заговора должно три раза плюнуть чрезъ лѣвое плечо).

6. Заговоръ отъ зубной боли.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ Буянѣ стоитъ дубъ сырѣ. Полъ дубомъ сырѣмъ лежитъ зубъ заговоренъ, отъ Лимаря заколоченъ. Зубная могуча скорбь уймись, мѣсяцемъ яснымъ унесись, Лимарь отъ заговорнаго зуба отвяжись! Будь мое слово крѣпко! Зубная скорбь „николи“ не явись, болѣе къ рабу Божию такому-то не привяжись!

(Заговоръ читается надъ лукомъ, который должно положить на больной зубъ и носить сутки не выплевывая)

7. Заговоръ отъ зубной боли.

Первымъ разомъ — добрымъ часомъ, зубная скорбь, уймись, больше на зубъ не ломись! Какъ этимъ сучьямъ на корняхъ не стоять, отроковъ не пущать и вѣтками не махать, такъ зубамъ не гнить, болѣзнь въ себѣ не водить. Заговоръ мой крѣпкій по сей день, по сей часъ, на вѣки вѣковъ.

(Заговоръ читается надъ рябиновой почкой. Почку послѣ заговора окунаютъ въ воду и кладутъ на больной зубъ).

8. Заговоръ отъ бородавкъ.

Я иду противъ врага; противъ корня Бонь-бугра, иду съ заговоромъ, со словомъ крѣпкимъ, неизмѣнчивымъ, вѣковѣчнымъ и не разъ, и не два, и не три, и не пять, и не шесть, и не семь, а сельмижды семь. Боль-бугра пропади! Хлѣбъ сильной, пособи, тѣло чисто яви! Слово крѣпко мое, вѣчно оно во вѣкъ вѣковъ, съ сего дня, съ сей минуты и часа.

(При заговорѣ берутся пшеничныя зерна, которыхъ надо столько, сколько имѣется бородавокъ. Каждыймъ зернышкомъ обводится, противъ солнца, одна бородавка и читается заговоръ),

9. „Приворотный заговоръ“.

(Заговоръ молодецъ на любовь красной дѣвицы).

Лягу я рабъ Божій такой-то помолясь, благословясь, умоюсь я росою, утрусь престольной пеленою; пойду я изъ дверейъ въ двери, изъ воротъ въ ворота; выйду я во чисто поле, во земное поморье; стану я на мать сыру—землю, поднимусь на Алатырь-камень; погляжу я на восточную сторонушку; какъ красное солнышко возсіяетъ, мхи, болота, грязи черныя скоро припекаеть. Помолюсь я Богу, покрещусь я солнцу: такъ-бы прибѣгала, такъ-бы присыхала раба Божія такая-то, о мнѣ рабѣ Божіемъ такомъ-то, очи въ очи, сердце въ сердце, мысли въ мысли, спать бы она не засыпала, гулять бы она не загуляла, а меня раба Божія такого-то всегда въ умѣ, сердцѣ вспоминала. Аминь тому слову. Солнцу красному во вѣки слава, Алатырь-камню крѣпкая держава ключами къ сердечному сохраненью, заговору моему къ близкому исполненью. Аминь, аминь, нашему крѣпкому слову, крѣпкому, накрѣпкому заговору.

(Заговоръ читается надъ подаваемымъ красной дѣвицѣ питьемъ).

10. Заговоръ о сбереженіи дорогого человека въ пути.

Ложилась я раба Божія такая-то крещеная помолясь, благословясь, во закатну зорюшку—румяну молодушку. Встала я, раба, ранехонько: въ другу

зорюшку не позднихонько, мѣдяной росой умывалася, ключевой заговорной водой окроплялася, Спасовой пеленой обтиралася, Силь-травкою обвивалася, съ полунощной луной распрощалася, ясну солнышку улыбалася, Алатырь-камню поклонялася. Выходила я раба такая-то за околеньку: во чисто поле на дороженьку; за околенькой я, раба, снаряжалася, темнымъ облачкомъ покрывалася, частыми звѣдушками обтыкалася, лучемъ солнечнымъ нарумянилась, Силь-травкою разукрасилась; на дороженькѣ становилася, всѣмъ свѣтушкамъ поклонилася, призорной чертой очертилася, Алатыремъ-камнемъ загородилася, крѣпкимъ словомъ заговорила.

Заговариваю я, раба такая-то, своего милаго такого-то во путь—дальнюю дороженьку: а будь крѣпче онъ Алатырь—камня, а будь легче онъ птицы Феникса, будь храбрѣе Стратиламъ — звѣря; чтобъ ноженьки его не износились, глазыньки его не утомились, сердечушко ко мнѣ рабѣ такой-то не измѣнилось, отъ меня не отворотилось; чтобы люди злы его не опроизорили, злы—кошени, яры вѣлхвы не обзордчили, чтобы шики—лѣшаки, сатоны, полканы не обозначились, русалье—дѣвки не заластились.

Словеса мои крѣпки: не прейдуть ни вѣкъ, ни во вѣкъ, живучи будутъ во вся дни, по вся часы, во дни и ночи, въ полдень и полночь. Молитва къ Христу-Царю, просьба къ камню Алатырю: путь—дорога для молодца, словесамъ заговорнымъ быть свершеннымъ до конца. Аминь. всѣмъ словамъ.

(Заговоръ читается надъ горстью земли, часть которой стараются незамѣтно положить въ карманъ или сумку отправляющагося, а остальную землю бросаютъ на задворкахъ, поверотясь къ западу).

11. Предохранительный заговоръ отъ пьянства.

Во имя Отца, и Сына и Св. Духа. Аминь. Хмѣль и вино, отступись отъ рабы меня Божіей такой-то во темныя лѣса: гдѣ люди не ходять, гдѣ кони не бродять, птица не водится, галина не шелохнется. Во имя Отца, и Сына и Духа Святаго. Хмѣль и вино, выдь на быструю воду: гдѣ люди не ѣздять, рыба не плещеть, солнышко не грѣеть, луна не свѣтитъ. Во имя Отца, и Сына и Духа Господня. Отъ рабы тяжелой такой-то, хмѣль и вино, поиди на буйный вѣтеръ, который вѣтеръ по дальности ходитъ, по сыпучей пустынь бродитъ. Во имя Отца, Исуса Христа, Духа Христова. Привяжись къ лихому человѣку, который лихо думаетъ; къ тому привяжись, который добра не слѣдуетъ, міра не любитъ, который въ мысляхъ и дѣлами всѣхъ губитъ, меня же рабу Божію, вино, хмѣль, освободи, въ тяжести не приступи, дите не сгуби. Во вѣки аминь Отцу, во вѣки аминь Сыну, во вѣки аминь Святому Духу.

(Заговоръ читается беременными женщинами алкоголичками послѣ перваго движенія ребенка).

12. Заговоръ отъ нарыва.

Заря, зарница ты наша мать—царица, ты рабамъ Божьимъ поводчица, мяса изводчица, изъ ранки тобой кровь истекаетъ, у рабы Божіей такой-то нырокъ (нарывъ) выпадаетъ, раны кровавыя затягаются. Аминь тому слову.

(Заговоръ читается надъ смѣсью изъ воска, свѣчнаго сала, деревяннаго масла и дегтя, которою намазывается тряпка и прикладывается къ нарыву. Заговоръ читается 7 разъ).

13 Заговоръ отъ „родимчика“.

На мори на Кіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ дубъ честной, на томъ дубу 70 гильевъ, на тѣхъ гильяхъ 70 гнѣздовъ, на тѣхъ гнѣздахъ 70 орловъ; Кіянъ—море разливалось, орлы крылами отбивались, когтями отгребались, носами отклеывались отъ врага супостата—родимца злого. Сгинь, пропади, нечисть злая, отъ русыхъ волосъ, отъ буйной головы, отъ черныхъ глазъ, отъ бѣлыхъ зубъ, отъ сердца кипуча, отъ крови горячей, отъ 77 суставцевъ, отъ жилъ и костей, отъ суставчиковъ и полусуставчиковъ раба—младенца хрещена. Слово мое приказно, слово мое крѣпко во вѣки. Аминь

(Заговоръ читается надъ водой, въ которую кладутъ ладону. Водой больного должно умывать утромъ и вечеромъ).

14. Заговоръ отъ желтухи.

Желтой мѣсяць ты на небеси, а я хожу по земли. Щука бѣгать въ мори, а вѣдмель (мелвѣль) по лѣсу Коли они встрѣчаются ты, мѣсяць, улыбаешься, краснотой возгорасешься, желтиной не заражаешься, да и такъ бы и я раба такая-то по землѣ ходячая улыбалася, желтиной не заражалася. Святая соль матушка, наша ты царица! ты въ святомъ своемъ езери саднишся, святишся, густою краскою бѣлишся, дай мнѣ бѣлизну, возми себѣ желтизну. Богомъ молю, Христомъ клянущу, стирай желтину! Аминь тому слову во вѣки.

(Заговоръ читается надъ соленою водой, которой, послѣ заговора, должно умыться).

15. Заговоръ отъ „притки“.

Встану раненько, умоюсь бѣленько, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, погляжу на восточную сторонушку. На восточной сторонкѣ стоитъ соборная, апостольская церковь. Въ этой церкви стоитъ престолъ; предъ престоломъ Мать Пресвятая Богородица. Она молитъ о приткѣ: притка глазная, полуглазная, притка костяная, полукостяная, притка жильная, полужильная, притка водяная, полуводяная, притка вѣтряная, полувѣтряная, притка земляная, полужемляная, выйди вонъ изъ раба крещена такого-то въ Кіянъ-море! Въ Кіянъ-морѣ есть камень Латырь; подъ камнемъ Латыремъ твои питія и яствы, естества и полустества, будь тамъ, а раба такого-то оставь. Слово мое крѣпко. Аминь.

(Для загона берутъ четверговскую соль и по прочтеніи надъ ней заговора, натираютъ больного)

16. Заговоръ отъ „волосатика“.

На морѣ на Кіянѣ, на островѣ на Буянѣ упыри живали, волосъ — волосатикъ на хрестьянъ пушали. Вышелъ волосъ въ колосъ, началъ суставы ломати, жилы прожигати, кости просверляти, тѣло раздробляти, раба Божія такого-то изсушати. А я тебя, волосъ волосатикъ, заклинаю, словомъ крѣпкимъ на крѣпкимъ наставляю: или ты, волосъ-волосатикъ, на острову Буяну, къ Латырю камню; гдѣ хрещеные чловѣки не ходять, живые не бродять; сядь на свое мѣсто—къ упырямъ лихимъ въ кресло. Покорись моему приказу, крѣпкому накрѣпкому заговору —наказу!

(Берется 27 ржаныхъ колосьевъ. При чтеніи заговора колосья обливаются горячей водой, которую больной послѣ долженъ выпить, а къ больному мѣсту прикладываются два обмоченные и на крестъ сложенные колоса).

17. Заговоръ отъ чесотки.

Во чистомъ во полѣ, на буйномъ на просторѣ стонгъ высыхаетъ, росковъ не „пускаетъ“ пень дубовый. На томъ пнѣ сидитъ дѣвица: она бѣлолица; коросту съ рабовъ Божіихъ снимаетъ въ пень дубовый „закладаетъ“. Я зову, заклинаю, громко на громко причитаю: скинь, бѣла дѣвица, корости съ головы, бровей, ясныхъ очей, съ рукъ да ногъ у раба заклинателя, тебя выкликателя. Короста, въ пень дубовый загнуздись, а на мнѣ рабѣ Божиемъ такомъ-то никогда не появись, а теперь на нечистое мѣсто несись! Моему слову сбыться, приговору исполниться! Аминь во вѣки всѣмъ словамъ.

(При заговорѣ пораженныя мѣста обволятъ дубовой корой три раза и бросаютъ кору за околицу).

III. Духовные стихи.

Сказавъ о заговорахъ, я, на основаніи выставленнаго мною заголовка, долженъ перейти къ духовнымъ стихамъ.

Духовные стихи возникли на Руси со времени появленія здѣсь христіанской религіи изъ стремленія разъяснить себѣ новые и неясные вопросы, предложенные народу религіей, которая не могла сразу

найти себѣ полное и вѣрное объясненіе въ грубыхъ умахъ еще язычествующаго по убѣжденіямъ народа, представляя разрушеніе его старыхъ идеаловъ. Народъ, чтобы найти себѣ выходъ, обратился къ книгамъ и, не найдя въ нихъ многого для себя интереснаго, пустилъ въ дѣло свою фантазію и у него первоначально появляются апокрифическія сказанія, которыя послужили потомъ основой для духовныхъ стиховъ¹⁾. Однако, помимо апокрифическихъ сказаній, во многихъ духовныхъ стихахъ мы можемъ найти переложеніе житій различныхъ святыхъ и различныхъ библейскихъ сказаній.

Духовные стихи не есть явленіе исключительно русской жизни, мы ихъ встрѣчаемъ и у другихъ народовъ, напр.,—нѣмцевъ, французовъ, болгаръ и сербовъ. У нѣмцевъ развитіе духовныхъ стиховъ пошло отъ такъ—называемыхъ „кирелейсовъ“ (греч. Киріе елейсонъ—Господи помилуй), почему впоследствии духовный стихъ въ Германіи сталъ носить названіе „лейсе“ (сокращено изъ кире-лейсе)²⁾. У французовъ духовные стихи, или какъ тамъ они называются—„духовныя кантаты“ (*Cantiques Spirituels*), распространяли женглеры, переходившіе съ мѣста на мѣсто и распѣвавшіе ихъ вмѣстѣ съ рыцарскими гѣснями. Моравы издавна имѣютъ духовный стихъ о Доротеѣ; встрѣчаемъ духовные стихи у болгаръ и сербовъ³⁾. По сюжетамъ русскіе духовные стихи сходны съ духовными стихами указанныхъ народовъ, но обработкой сюжетовъ они рѣзко отличаются отъ послѣднихъ. Во всѣхъ нашихъ духовныхъ стихахъ

¹⁾ Будде, Мѣсто и значеніе дух. стиховъ, 27 ст.

²⁾ Буслаевъ, Историч. очерки, т. II, 75 ст.

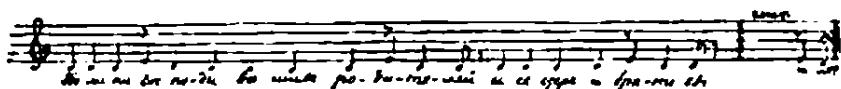
³⁾ См. Филолог. Записки 1870 г., вып. 3, стат. Некрасова „Замѣчанія по поводу русскаго народнаго сказанія о 12 пятницахъ“.

представляется смѣшеніе чисто народнаго элемента съ книжнымъ: съ одной стороны они повторяють языческія преданія, вносятъ въ себя міровоззрѣніе до-христіанскаго народа, съ другой—служатъ отраженіемъ книжной и преимущественно апокрифической литературы. Основой нашихъ стиховъ были книжныя, апокрифическія сказанія, но обработка этихъ сказаній шла чисто народнымъ безыскусственнымъ путемъ, что сближаетъ наши духовные стихи съ народными русскими произведеніями до-христіанской эпохи: въ нихъ мы видимъ тѣ же предметы, тѣ же воззрѣнія и представленія, какія намъ хорошо знакомы изъ русскихъ былинъ, а этого всего мы не найдемъ въ духовныхъ стихахъ запада, гдѣ духовные стихи рано подверглись книжной переработкѣ.

Является вопросъ: почему прозаическій христіанскій эпосъ оглился у народа въ стихотворную форму? Понять не трудно,—въ той средѣ, гдѣ мало письменности, память народа обыкновенно выскинваетъ формы, наиболѣе податливыя на запоминанія. Таковыми, конечно, является размѣрная рѣчь и поэтическіе образы. Размѣръ стихотворный, образы и богатства поэтическихъ приемовъ у народа уже было выработано вѣками и вотъ, пользуясь имѣющимъ, народъ даетъ духовные стихи, содержаніе для которыхъ беретъ изъ христіанской письменности, не забывая въ то же время попутно сюда внести міровоззрѣніа до-христіанской эпохи. Въ результатѣ чего получился у насъ на Руси тотъ эпосъ, носителями котораго въ древности были „калики переложіе“, бродившіе изъ конца въ конецъ по широкой Руси, а теперь слѣпцы и калѣки неизмѣнные посѣтители всякой ярмарки и папертей городскихъ и сельскихъ храмовъ.

Мнѣ удалось записать нѣсколько духовныхъ стиховъ, которыя теперь распѣваются нашими слѣпцами и калѣками, но стихи эти поздняго происхожденія, — въ нихъ почти не видно языческаго элемента, ихъ характеръ церковный, христіанскій, однако по нимъ можно учесть нравственную состоятельность христіанскаго русскаго народа, можно учесть и то, какъ церковная письменность отразилась въ безыскусномъ народномъ творествѣ, а это даетъ право на вниманіе къ нимъ со стороны науки.

Пѣсня слѣпыхъ.

И младенцевъ малыхъ,
Запиши ихъ, Господи,
Во книги во церковныя
У престола славушки
Во царствіи во небесномъ,
Во раи во пресвѣтломъ!
Сотвори имъ, Господи,
Вѣчну память!

Про Христа Милостива.

Жилы—пилаты Христа распинали,
Въ ручки, въ ножки гвоздики вбивали,
На буйную головку териовъ вѣнецъ надѣвали.

Ужь какъ услышала Матушка Маря,—
 Горючми слезьми обливалася,
 Его святой одеженькой обтиралася,
 Молилася Богу предвѣчному.
 Свои горя Ему выкладала,
 Милости великой Его вопрошала:
 Того-ли воскресенія тридневнаго.
 Ужь какъ воскресъ нашъ Царь-Христось,—
 Природушка взликовалася,
 Жиды—пилаты въ страхѣ разбѣжались,
 Мертвы тѣла воскресалися.
 Ужь какъ увидѣла Матушка Маря Богородица
 Свою Спаса Сына тридневнаго
 Тѣломъ, плотью воскресеннаго,
 Отцемъ Богомъ прославленнаго,
 Сыномъ единороднымъ нареченнаго,—
 Взликовала Она, Матушка, со архандельми,
 Со всѣми со апостольми,
 Со всѣми со святыми со дѣвами.
 Возносили они пѣснію Христу воскресенному.
 Ужь какъ пошелъ нашъ Исусъ Христось,
 Пошелъ на небеса въ вознесеніе,
 А за Нимъ-то пошли всѣ апостолы,
 А пошла за Нимъ и вся нища братія
 На гору високу превознесенную.
 „И куды-жь Ты отъ насъ, Христось Богъ,
 уходишь?
 На кого-жь Ты насъ оставляешь?“.
 Взголосили святые, правельны апостолы,—
 Заплакала вся нища наша братія,
 „Ужь и кто-же насъ учить будетъ,
 Учить будетъ словамъ Божинмъ?
 Ужь и кто-же насъ пріютитъ въ ночи,
 Пропитъ, прокормитъ во дни свѣтлые?“

— „Вы не плаchte-ка, святые апостолы,
 Я возьму васъ во царствіе небесное!
 Вы не плаchte-ка, вся нища братія,—
 Я создамъ-то вамъ гору золотую,
 И создамъ-то Я вамъ рѣку медовую“.
 Отвѣчала Ему вся нища братія:
 „Ну, и гдѣ же намъ владѣть горою золотую,
 Ну, и гдѣ же намъ владѣть рѣкою медовою:
 Ужъ какъ отымутъ-то у насъ—нищей братіи
 Богатые люди, люди знатныи;
 Они отымутъ гору золотую и рѣку медовую.
 Ты сподоби насъ честнымъ Твоимъ именемъ,
 Хлѣбцемъ чернымъ, кускомъ вѣчнымъ!“
 Благословилъ тутъ Христось нищу братію.
 — „Вы ищите, просите, вся нища братія,
 Моимъ именемъ Исусъ Христовымъ
 Святую милостыню подающую;
 Во вѣкъ вѣковъ будетъ она вамъ помощница,—
 Мое имя свято будетъ вамъ кормилицемъ!“

Записано за слѣпцами: { Емельяномъ Казако- г. Киржачъ).
 вымъ, Маріей Синцовой.

~~~~~
 Про Марію Египетскую.

Дискантъ
Альтъ

Теноръ
Басъ

The image shows a musical score for two parts: 'Дискантъ Альтъ' (Discant Alto) and 'Теноръ Басъ' (Tenor Bass). The notation is on a five-line staff with a treble clef and a common time signature. The lyrics 'бо - шле - га - ру - ко - му - се - ра - ми - на' are written below the notes. The score includes various musical notations such as eighth notes, quarter notes, and rests, with a double bar line at the end.

Нашель старецъ молящую,
 Молящую, трупящую,
 На камени стоящую.
 Власы у нея до сырой земли,

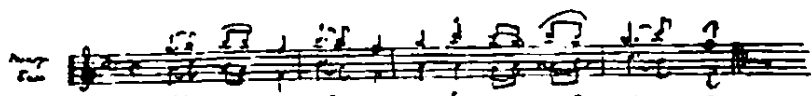
Тѣло у нея — дубова кора,
Лицо у нея, аки котлино дно.
И тутъ старецъ убоился ея.
„А и кто если, жена страшная.
Или скотія ты, или лютый звѣрь,
Или мнѣніе мнѣ, иль пристрашная смерть?“
Она же ему возглаголовала:
— „Или, старецъ, не убойся меня, —
Я не скотія и не лютый звѣрь,
Я не мнѣніе тебѣ, ни пристрашная смерть,
Я богатаго купца Киприанова дочь,
Я тридцать лѣтъ во пустынь живу,
Я тридцать лѣтъ на камени стою —
Замоляю грѣхи великіи,
Замоляю грѣхи великоблудные“.
А и тутъ жена просвѣтилася,
Видомъ ангельскимъ старцу открылася
И велѣла она вспоминать ее,
Велічати Маріей Египетской.
И дала она письма ему,
Что писала она на камени:
Житіе свое ноготочками.
И пошелъ старецъ въ великій градъ,
И принесъ старецъ житіе ея,
И взошелъ старецъ въ церковь Божию,
И велѣлъ старецъ вспоминать жену, —
То святую Марію Египетску, —
Во пятой четвергъ велика поста.

(Записано въ селѣ Бабаевѣ, Владимір. у.).

Про Лазаря.

Два брата родные—оба Лазаря.
 Одна ихъ матушка породила
 Въ одной купели окрестила.
 Одинъ ихъ батюшка воспоилъ,
 Одинъ родной отецъ воскормилъ.
 Не однимъ только великій Богъ
 Ихъ на свѣгъ счастьемъ надѣлилъ:
 Старшему-то Лазарю богатства—тьму,
 Младшему-то, Лазарю убожество, рай.
 Пришелъ къ богачу бѣднѣйшій братъ,
 Пришелъ къ нечестивцу Лазарь—святъ.
 Взмолился убогій къ Лазарю богачу:
 „Братецъ, мой братецъ, богатый ты, Лазарь,
 Много палатъ у тебя и много богатствъ,
 Напой, накорми ты меня и отъ ночи сокрой,
 Богъ милосердый за это подастъ вѣнецъ
 золотой!“
 — „Что ты за братецъ, что за родимый!“
 Гордо взглянулъ, прикрикнулъ богатый,—
 спѣсивый,—
 „Моя-то братія, мои то родные
 Князья, да бояре, да дьяки умные,—
 Мои-то сроднички, мои-то близкіе
 Купцы заморскіе, купцы торговые,—
 Твоя-же братія, твои-то сродники
 Псы все смердячіе, псины подстольныя:
 Подъ столомъ лазаютъ, крохи собираютъ,
 Твои болячки на ногахъ содираютъ,
 Гной же вонючій языкомъ подтираютъ.“
 Горько заплакалъ тутъ Лазарь убогій,

Крестомъ окрестился, пошелъ въ путь далекий.
 Пришелъ онъ на гору, на гору святую,—
 Въ Ерусалимскую весь, Сионъ — гору крутую.
 Тутъ онъ замолился и сердцемъ открылся
 Спасу-Христу, Судіѣ-Царю, Иисусу-Пречис-
 тому.

„Господи, Господи, Спасъ многомилостивъ,
 Услыши ты, Господи, Лазаря грѣшнаго,
 Пошли ты мнѣ, Господи, изъ ада кромѣшнаго
 Двухъ тотѣхъ ангеловъ грозныхъ и сильныхъ,
 Огнемъ палящихъ людей нечестивыхъ,
 Пошли ты ихъ, Господи, къ Лазарю грѣшному
 За душой черной, душой многогрѣшною!“
 И услышалъ Господь голосъ Лазаря,
 И увидѣлъ, Судья, душу бѣднаго,
 И послалъ Онъ къ нему двухъ архангеловъ:
 Духовъ свѣтлыхъ, духовъ праведныхъ.
 И приняли они душу Лазаря,
 И приняли они душу бѣднаго.
 Въ пелены Царицы Богородицы,
 На свои крылы угодничьи,
 Понесли они душу Лазаря
 На чертоги небесъ,—во пресвѣтлый рай.
 Ко Давиду—царю на колѣночки.
 И послалъ тутъ Господь за другою душой,—
 За душой богача,—брата Лазаря.
 Но послалъ тутъ Господь
 Двухъ исподнихъ духовъ,
 Двухъ исподнихъ духовъ—
 Грозныхъ ангеловъ,
 Сатанинскихъ духовъ, сильныхъ нечистей.
 Ухватили они душу Лазаря
 Душу Лазаря нечестиваго, горделиваго
 Въ когти страшные, въ когти мѣдные

И внесли ее въ адъ,—въ пекло смердное.
 А зачѣмъ ты, душа, а зачѣмъ богача
 Ты въ гордынѣ жила, никого не бжюла,
 Зачѣмъ нищихъ братьевъ ненавидѣла,
 Зачѣмъ въ пищу, питьѣ ты огказывала,
 Зачѣмъ въ темную ночь не укрывывала?

Записано за слѣпцами: Егорушкой и
 Гаврюшей въ г. Иваново-Вознесенскѣ.

Духовный стихъ о Лазарѣ

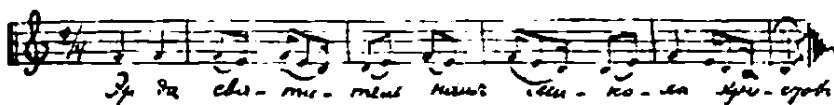
Жили—были два брата родныхъ, оба Лазаря.
 Одна ихъ матушка споролила,
 Разными талантами надѣлила:
 Большаго-то надѣлила богатствомъ тѣма,
 А меньшаго то брата убожествомъ рай.
 Большой братъ сталъ нирь собирать, гостей
 созывать:
 Князей, бояръ и почетныхъ людей;
 А меньшей братецъ пришелъ полъ окно:
 „Ужъ ты, братецъ! напои меня,
 Накорми дршу алчную!
 Обуй, одѣнь тѣло грѣшное!“
 — „Что ты мнѣ за братецъ!?
 Въ роду не бывалъ, на слѣдъ не попалъ!
 Мои братья: князья, бояре—князья,
 Бояре ла почетные люди,
 А твои-то ли братья—подстольные псы,
 А по подстолью-то они бѣгаютъ, крошечки
 берутъ,
 Крошечки берутъ, гнойныя раны зализы-
 вають^а.

Убогій Лазарь самъ заплакалъ
 Да пошелъ во чисто поле.
 Ужь взмолятся, взмолятся убогій Лазарь:
 „Ужь Ты ли, Господи, Господи Спась Ми-
 лостивый!
 Сошли ко мнѣ, Господи, грозныхъ ангеловъ,
 немилостивыхъ,
 Вынули бы мою душеньку нечестно, не-
 хвально;
 Повели бы мою душеньку въ вельмы высоки,
 Бросили бы мою душеньку во тьму глубокую“.
 Сослалъ ему Господи тихихъ ангеловъ,
 тихихъ и смирныхъ.
 Вынули его душеньку и честно и хвально;
 Повели его душеньку ко Іакову,
 Ко Исаію, ко Аврааму въ рай. -
 Ужь взмолятся богатый Лазарь:
 „Ужь Ты ли, Господи, Спась Милостивый!
 Сошли ко мнѣ, Господи, тихихъ ангеловъ,
 Тихихъ и смирныхъ и милостивыхъ;
 Вынули бы мою душеньку и честно и хвально,
 Повели бы мою душеньку въ вельмы высоки,
 Посадили бы мою душеньку ко Іакову,
 Ко Исаію, ко Аврааму въ рай.
 Послалъ ему Господи грозныхъ ангеловъ,
 немилостивыхъ,
 Вынули его душеньку нечестно, нехвально,
 Повели его душеньку въ вельмы высоки,
 Кинули его душеньку во тьму глубокую.

Суздальскій уѣздъ, село Шумилово,
 Василій Филипповъ.

О Миколѣ Угодникѣ.

Эхъ, кормитель, поитель нищей братиѣ.
 Эхъ, сойди съ небесныхъ высотъ
 На сыру нашу землю грѣшную!
 Ты снеси ка намъ подаваніе
 Чрезъ добра—раба хрестіянина!
 Ты укрой-ка насъ, — нищу братію,
 Во хоромнахъ пріютителей!
 А хрестьяннамъ—пріютителямъ,
 Подаятелямъ, покормителямъ
 Упроси у Сына Божія
 Ты чертоговъ въ раю свѣтлоемъ, —
 Гдѣ архангелы ликовствуются.
 Гдѣ апостолы проповѣдь велутъ,
 Гдѣ дѣрева вся кипарисова,
 Гдѣ трава—муравушка зеленая
 Цвѣтомъ алымъ блауханнымъ
 Преукрашена словомъ Божиимъ.
 И въ живленьи на сырой землѣ
 Пошли помощи во работушкѣ.
 Закрома наполнь всякимъ хлѣбушкомъ,
 Сбереги ты ихъ во несчастяхъ,
 А прославь ты ихъ свѣтомъ, радостью!
 А мы молимся тебѣ, Микола Христовъ,
 Земно кланяюся съ крестемъ Божиимъ,
 Поемъ славу тебѣ—пѣсню царскую.
 Прослышалъ тутъ Микола Христовъ
 Пѣсню царскую нищей братиѣ
 А сошелъ то онъ къ нимъ на сыру землю
 Со небесныхъ высотъ, рая свѣтлаго
 А послалъ то онъ нищей братиѣ

Милосердаго пріютителя,—
Хрестіанина — покорителя.
А подалъ ему угодителю—
Нищей братіи покорителю:
Подалъ дочушкамъ мужьевъ добрыхъ,
Надѣлилъ его доброй славушкой,
Казной царскою, Божьей благодію.

(Записано за Ганей безрукимъ, г. Киржачъ).

~~~~~

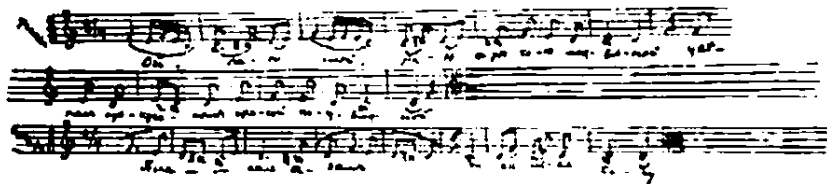
Стихъ о грѣшной душѣ.

Два ангела, два архангела,
Гдѣ вы были? Куда летали?
Мы были на святой Руси,
На конечномъ на разстаньцѣ,
Гдѣ душа съ грѣшнымъ тѣломъ разставалася,
Разставалася не прощалася.
Воротилася, поклонилася,
Слова молвила:
Ты прости, прости, тѣло грѣшное,
Тѣло грѣшное, съ земли взятое!
Ужъ тебѣ ли тѣлу не на судъ ийти,
Не на судъ ийти къ Судѣ — Царю,
Къ Судѣ — Царю, Христу Божію,
А ийти тебѣ, тѣлу грѣшному,
Тѣлу грѣшному, праху смертному
Во сыру землю, землю — матушку,
А я, душа, на отвѣтъ пойду
Къ Самому Судѣ — Христу Божію.
Ужъ какъ мнѣ къ Нему подойти будетъ?
Ужъ какъ мнѣ Ему поклонитися,
Поклонитися, предъявитися?

Чѣмъ я, грѣшная, оправдаюся?
 Окаянная, чѣмъ порадуясь:
 Какъ на свѣтѣ жила
 Одинъ грѣхъ приняла?
 Изъ за тѣла земного пропадаю я,
 Изъ за немощи погибаю я.
 Не крѣпка я была въ добродѣтеляхъ,
 А низка я была въ прегрѣшеніяхъ:
 Поддавалась я тѣлу зѣмному,
 Тѣлу зѣмному, праху тлѣнному!

(Доставлено воспит. Бѣляковымъ изъ
гор. Иванозо-Вознесенска).

Плачь Адама.

Плакалъ Адамъ, да каялся Богу,
 Плакалъ, да каялся Спасу—Христу:
 Зачѣмъ я, Адамъ, жены Евы послухалъ?
 Зачѣмъ таковую вещь я удумалъ,—
 Плода съѣсть отъ древа преслушанья,
 Понестъ отъ Тебя, Христось, велико наказанье?
 Ой, раю мой, раю, съ рѣкою медвяной,
 Цвѣтомъ прекраснымъ,—красой неувядной!

Плакалъ Адамъ, да каялся Богу,
 Плакалъ, да каялся Спасу—Христу:
 Зачѣмъ я, Адамъ, жены Евы послухалъ?
 Зачѣмъ таковую вещь я удумалъ,—
 Плода съѣсть отъ древа преслушанья,
 Понестъ отъ Тебя, Христось, велико наказанье?
 Тебя, Спаса, лишиться,

Съ прахомъ—землей сравниться,
 Душой потемниться,
 Плотью своей оскверниться?
 Ой, раю мой, раю съ рѣкою медвяной,
 Цвѣтомъ прекраснымъ,—красою неувядной!

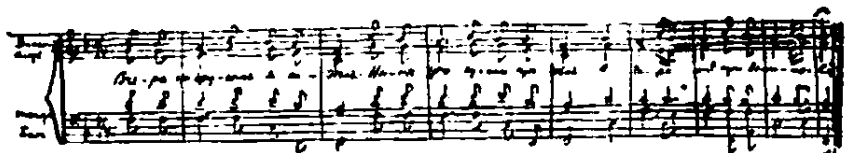
Плакаль Адамъ, да каялся Богу,
 Плакаль, да каялся Спасу—Христу:
 Зачѣмъ я, Адамъ, жены Евы послухалъ?
 Зачѣмъ таковую вещь я удумалъ:
 Плодомъ райскимъ не насладиться,
 Рая пресвѣтлаго на вѣкъ лишиться,
 Въ листья—одежу тѣломъ укрыться,
 Стыдомъ охватиться, слезами омыться?
 Ой, раю мой, раю съ рѣкою медвяной,
 Цвѣтомъ прекраснымъ,—красою неувядной!

Плакаль Адамъ, да каялся Богу,
 Плакаль, да каялся Спасу—Христу:
 Зачѣмъ я, Адамъ, жены Евы послухалъ?
 Зачѣмъ таковую вещь я удумалъ?
 Не свѣтель, не красенъ день мнѣ земной,
 Но грозенъ, прегрозенъ день судовой.
 Я горюшко людемъ на свѣтъ породилъ,
 Смерть люту, да зло я межъ ними вскормилъ!
 Ой, раю мой, раю съ рѣкою медвяной,
 Цвѣтомъ прекраснымъ,—красою неувядной!

Плакаль Адамъ, да каялся Богу,
 Плакаль, да каялся Спасу—Христу:
 Зачѣмъ я, Адамъ, жены Евы послухалъ?
 Ой, горюшко, горе! Ой, раю мой, рай
 Съ цвѣтомъ прекраснымъ,—красою неувядной!
 Помилуй мя, Боже, помилуй, молю,
 Помилуй, Христось мой, Спаситель, Царю!

Записано за Алексѣемъ Замышаевскимъ, Лукьянц.
 волости, Покров. уѣзда, Владим. губ.).

Пѣснь раскольниковъ.

Мимо царства прохожу,
 Слезно плачу, говорю:
 О, горе мнѣ привеликое!
 Ты куда, душа, спѣшишь?
 Въ наше царство не влетишь.
 О, горе мнѣ привеликое!
 Наше царство для святыхъ,
 Здѣсь не примугъ проклятыхъ.
 О, горе мнѣ привеликое!
 Я иду, иду, иду,
 День рожденія клянуп.
 О, горе мнѣ привеликое!
 Слезно плачу, говорю,
 Утѣшаю сатану.
 О, горе мнѣ привеликое!
 Утѣшаю сатану,
 День рожденія клянуп.
 О, горе мнѣ привеликое!

(Записано въ д. Рыково, Судогод. уѣз.).

Стихъ про Царицу Небесную.

Сходила Царица Небесная со круговъ небесныхъ,
 Становилась Царица Небесная у вѣрота сиротскихъ,
 Говорила Царица Небесная съ сиротами, со вдовицами,
 Съ благочестивыми дѣвицами, со юницами:
 „Ни куда вы не ходите,—ни въ пиръ и ни въ бесѣдушку,
 Ни въ мѣрскую суету, на гугоренье.

Сошлю Я вамъ ризы бѣлыя со ангельми,
 Если мало вамъ того, — сошлю вѣнцы златыя
 Съ херувимами, серафимами, со властію,
 Если мало вамъ того, Я сойду къ вамъ Сама,
 Буду съ вами ликъ ликовать, во вѣкъ царствовать*.

(Доставлено воспитан. Василиемъ Филипповымъ
 изъ села Шумилова, Суздальск. уѣз.).

Стихъ о инокъ—черноризцѣ.

Ипегъ старецъ изъ пустыни,
 Инокъ—черноризецъ изъ вертепа,
 А на встрѣчу то Самъ Богъ идетъ.
 „Что ты, инокъ, горько плачешь,
 Черноризецъ, что рыдаешь*?
 — „Господи, Господи, какъ мнѣ не плакать,
 Черноризцу—иноку какъ не рыдати:
 Потерялъ я книгу святую, золотую,
 Опустилъ отъ рая ключи въ море*!
 „Возглаголажь ему тутъ Самъ Господь:
 „Иди, инокъ—черноризецъ, возвратися,
 Въ свою тѣсную келью затворися;
 Тамъ усердно Богу помолися,
 Молнсь Богу со слезами,
 Со великими трудами,—
 Найдешъ книгу святую, золотую.
 Возмути слезами глубокое море
 Тамъ найдешъ ключи отъ рая*.

(Достав. воспит. Василиемъ Филипповымъ).

Святц. *Алекстѣй Никол. Соболевъ.*

Г. Киржачъ. Учителская семинарія.

19⁰³/₁₃.

СОСТАВИТЕЛЬ

63100